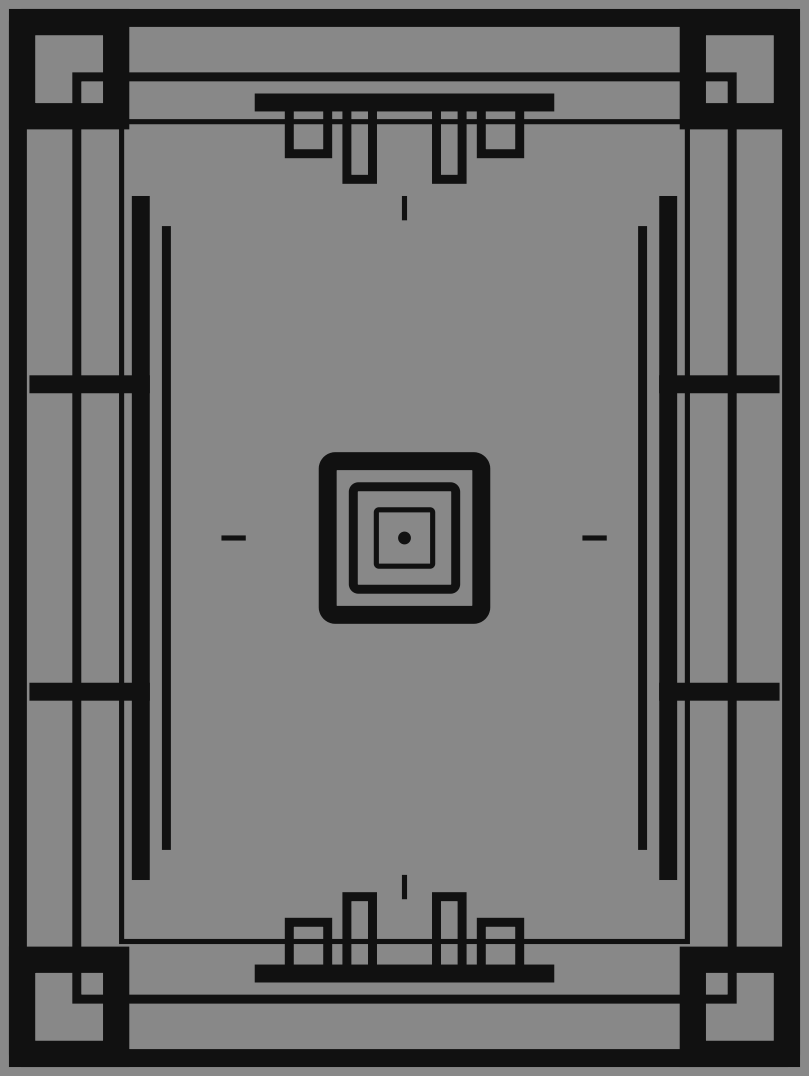

Большая симолеоновая афера
Нил Стивенсон

Нил Стивенсон. Большая симолеоновая афера

Нил Стивенсон
Большая симолеоновая афера

Трудно вообразить перспективу, менее привлекательную для свежеиспечённого выпускника колледжа, чем вернуться в родной Бисмарк и поселиться у родителей. Хуже только жизнь в пригороде Чикаго с братом. В его-то доме я, разумеется, и обосновался. Мама, по крайней мере, печёт отпадные пироги с вишней, — а вот из-за Джо я вечно в эмоциональном раздрае. И каждый божий день Джо находит новый способ задать мне психологическую трёпку.

Однажды, например, он попросил меня подсчитать, сколько нужно желейных бобов, чтобы заполнить стадион «Солджер Филд».

Положим, вина здесь только моя; Джо захотел бы внести ясность в этот вопрос. Он всегда умел обращаться с людьми, ну а я — с числами. Как минимум раз в неделю Джо повторяет, что мне следовало стать инженером. Вместо этого я продрейфовал между специальностями и выбрал главной математику, а второстепенной искусство. Едва ли не худшая комбинация для резюме.

А вот Джо подался в рекламщики. Когда интернет, оптоволокно, телевидение и цифровые деньги сошлись вместе и породили сплав, который мы сейчас зовём Метавселенной, большинство рекламных агентств вылетели в трубу, потому

что в Метавселенной легко можно выхватить пушку и отстрелить кролику Энерджайзеру голову — что многие, кстати, и делали. Джо занял у родителей десять тысяч баксов и открыл своё, молодое да зубастое, рекламное агентство. Если вы бывали в Метавселенной, то видели плоды его работы — а они видели вас, заговаривали с вами и за вами увязывались.

Папа с мамой так и живут в том домишке в Бисмарке, в штате Северная Дакота. Соседи и не подозревают, что их доля акций рекламного агентства Джо стоит сейчас около двадцати миллионов долларов. Как я ни донимал родителей, убеждая диверсифицировать портфель, — ну, там, купить бушель крюгеррандов и зарыть на заднем дворе или вложить пару миллионов в паевый фонд, — они сочли, что тем самым выразят недоверие Джо.

— Это всё равно что прийти на сольный фортепианный концерт своего ребёнка с плеером, — сказал отец.

Как-то январским вечером Джо приходит домой с полуторалитровой бутылкой шампанского. После дежурной подколки, — мол, достаточно ли я взрослый, чтобы пить? — он наливает мне бокал. Двоих своих сыновей он уже спровадил в

домашний кинотеатр, а те включили приставку, подарок на Рождество. Подсоедини эту крошку к телевизору, и можешь рассекать по Метавселенной и рыскать по всемирной паутине. На выбор — несколько дружелюбных к пользователю операционных систем, каждая с автоматическими подсказками, клиентскими горячими линиями и умными помощниками. Сабвуфер кинотеатра добавляет басов, отчего наше столовое серебро дребезжит, как жестяные фигурки в настольном хоккее, а усиленные аппаратурой взрывы пробуждают в шампанском круговерть крошечных пузырьков. Должно быть, низкие частоты как-то проходят под радаром попсовости и проникают в молодые мозги, фонтанируя образовательным цифровым потоком прямо в неокортекс.

— Провернул сегодня сделку века, — объясняет Джо. — Мы рекламируем машины. Компьютеры. Обувь для легкоатлетов. И вот уже три часа мы рекламируем — угадайте, что? — валюту!

— Чего? — переспрашивает Анна, его жена.

— Ну, знаешь, как доллары или йены. Только эта валюта — новая.

— Какой страны? — влезаю я с метафорической красной тряпкой.

Ну как не просветить непутёвого братца? Он

залпом осушает полбокала «Дом периньон» и начинает петь соловьём.

— Забудь про страны. Я говорю о симолеонах — крутой и трендовой валюте Метавселенной.

— Это что-то вроде электронных денег? — спрашивает Анна.

— Э-деньги с нами уже э-оны, с тех пор, как изобрели банкоматы, — говорит Джо с точно выверенной ноткой презрения. — В наши дни ими можно расплачиваться в Метавселенной. Но это всё те же американские доллары. Умные люди ищут что-нибудь получше.

Вот это по мне. После колледжа у меня всего тысчонка баксов в загашнике. А инфляция-то — десять процентов, и всё растёт. Сегодня на эти деньги можно купить намного меньше бутылок «Лейненкугеля», чем год назад.

— Правительству никогда не стать эффективнее, — разливается Джо. — Оно просто не может. Инфляция будет только расти. Люди примутся вкладывать сбережения кто куда.

— Инфляция должна пробить потолок, прежде чем я вложу свои деньги в какую-то искусственную валюту, — говорю я.

— Да они все искусственные! — восклицает Джо. — Если подумать, мы давно уже вкладываем

деньги в паи, акции и облигации. За ними стоят реальные активы — заводы, корабли, бананы, программное обеспечение, золото, да что угодно. Симолеоны — всего лишь новое название этих активов. Ты носишь с собой смарт-карту и расплачиваешься ею. Или идёшь за покупками в Метавселенную и тратишь деньги онлайн, а наутро товары у твоего порога.

— И кто же на это поведётся? — спрашиваю я.

— Все. Мы раздадим симолеоны на суперкубке простым американцам, а через месяц, три, шесть их опросим, и люди увидят, что симолеоны — и надёжное, и стабильное вложение средств.

— Раздавать симолеоны за здорово живёшь, как фантики в «Монополии»? Прекрасный способ внушить уверенность.

Ответ у него готов.

— Это будет не подарок. Это будет лотерея.

Тут-то он и просит меня подсчитать, сколько желейных бобов поместится в «Солджер Филд». Двумя часами позже я в местном бакалейном магазине галактического класса. Передо мной Манхеттен уходящих под потолок коробок из оргстекла, наполненных пакетами с овсяными хлопьями, дешёвыми сухими завтраками «Фрут лупс», вялеными помидорами, готовыми десер-

тами «с'мор», орехами макадамия, обжаренными по-французски кофейными зёрнами и кедровыми орехами. Всё это падает в вашу сумку или корзину по щелчку удобной плексигласовой гильотинки. Кругом ни души, только автопогрузчики снуют над головой по сети мостиков да глядят камеры видеонаблюдения, упрятанные в матовые стеклянные полусферы. Я шествую по сверкающей стране чудес, держа в руках идеальный куб со стороной в шесть дюймов, смастряченный из картона и клейкой ленты. Я прохожу мимо золотых залежей мармеладных мишек, печёных бобов по-бостонски, чупа-чупсов, лакричных конфет и M&Ms. И вот, наконец, они: желейные бобы вразвес, высший сорт. Я подставляю куб под жёлоб и наполняю.

Кто угадает количество желейных бобов быстрее и точнее, и получит симолеоны. Чтобы всё было чики-пуки, Джо нанял аудиторскую фирму из большой четвёрки. А поскольку нельзя вот так взять и утопить стадион в сладостях, мне поручено найти и сообщить этой фирме верный ответ. И, что не менее важно, сохранить его в тайне.

Придя домой, я считаю бобы. 3101. Умножаем на восемь: 24808 — их число в одном кубическом футе. Осталось узнать объём «Солджер Филд»

в кубических футах. Мои племянники выпотрошенными лягушками распластались перед телевизором, изучая физику путём сброса высокоорбитальных бомб с антиматерией на чем-то виноватую цивилизацию. Я перепрыгиваю через чёрные зигзаги кабелей и добываю пульт управления.

На экране мультяшный эльф высовывает голову из окна, потом убирает. Нет, я не параноидный шизофреник. Это широко разрекламированный умный помощник, он шёл в комплекте с приставкой. Я игнорирую эльфа, покидаю Геймленд и забираюсь в кислотно-цветастый район Метавселенной, где днём и ночью крутятся тысячи реклам, каждая в собственном окне. Я просматриваю ролик про китайские народные средства от всех болезней, изготовленные из частей редких животных, генетически модифицированных и выращенных в пробирке. Показывают желчные пузыри медведя гризли, плавающие в янтарной жидкости, как гроздь винограда.

Анимированный персонаж выбирается целиком, облокачивается на рекламное окошко.

— Привет! — говорит он придурочным жизнерадостным голосом. — Я — Растр! Если нужна какая-то помощь, просто позовите меня по име-

ни. Растр — моё имя!

Мне не нравится его рожа. Вероятно, до того, как его наняла кабельная компания, он слонялся по улицам Мультауна с плакатом «Достаю взрослых за еду». Растр начинает летать по экрану, оставляя за собой хвост искрящейся волшебной пыльцы, который гаснет слишком уж медленно, как по мне.

— Достаньте мне чёртову энциклопедию! — ору я. Услыхав страшное слово, племянники подрываются с ковра и убегают.

И вот я ищу статью о «Солджер Филд». На другом бедре, словно кусок льда, лежит мой старый учебник аналитической геометрии, облепленный хлопьями утеплителя с чердака. Подставим в эту формулу числа из энциклопедии и…

— Эй, Растр!

Растр так рад оказаться нужным, что выписывает по экрану восьмёрки.

— Калькулятор! — кричу я.

— Не требуется, босс! Просто скажите, что посчитать, и я проделаю вычисления в уме!

В ходе утомительной беседы с Растром я оцениваю число кубических футов в «Солджер Филд», с округлением до ближайшего целого. Я прошу Растра умножить это число на 24808, и эльф ра-

достно рапортует: 537 824 167 717.

Не будь я гиком, я б и ухом не моргнул. Но я говорю:

— Растр, у тебя вместо мозгов опилки. Результат должен делиться на восемь!

Очевидно, в приставке стоит одна из тех дефектных микросхем, что делают ошибки при вычислениях с большими числами.

Растр хлопает себя по макушке. Из его ушей сыплются винты и транзисторы.

— Блин! Похоже, мне надо поговорить с моим программистом.

И он застывает.

Моя невестка Анна, втягивая голову в плечи, вламывается в комнату и озирается вокруг. Она в ужасе: неужели я привёл подружку?

— С кем ты говоришь?

— С придурковатым умным помощником, которым укомплектована приставка, — говорю я. — Кстати, не доверяйте ему считать ваши налоги.

Она склоняет голову набок.

— Знаешь, только вчера я попросила его помочь с налоговой декларацией, а он дал рецепт бефстроганова по-моряцки.

— Добрый вечер, сэр. Добрый вечер, мэм. Можно

ещё раз эти числа? — выходит Растр из ступора. Голос тот же, но интонация другая, более человеческая. Я повторяю числа, и ответ на этот раз — 537 824 167 720.

— То-то же, — бормочу я.

Анна удивлена.

— Похоже, сейчас с распознаванием речи порядок.

— Не думаю. Скорее, моей математической задачкой занялся живой человек. Когда беседа превышает возможности встроенного программного обеспечения, оно зовёт на помощь человека. Он видит нас через встроенную видеокамеру, — я указываю на «рыбий глаз» линзы в передней панели приставки, — и слышит через встроенный микрофон.

Взгляд Анны стекленеет. Я ищу аналоговую аналогию.

— Помнишь «Экзорциста»? Ну вот, Растр сейчас одержим, как та цыпочка в фильме. Только не Вельзевулом, а представителем службы поддержки покупателей.

Сам того не заметив, я угодил в ловушку, которая совершенно очевидна для Анны.

— Вот работа как раз для тебя! — восклицает она.

Я прикусываю язык, но челюсти капкана захлопываются:

— Можете подать заявление о приёме на работу прямо сейчас! — услужливо говорит Растр.

Моя невестка — сладостный триумф во плоти. По крайней мере, до следующего вечера, когда я спрашиваю её, какую новость она хочет услышать первой. Хорошая: я устроился в службу поддержки покупателей в Метавселенной. Плохая: у меня нет своей ячейки в сотах какого-нибудь громадного офисного комплекса на окраине. Я работаю удалённо, из дома. Из её дома, с её дивана. Я сижу на нём весь день напролёт, жуя тающие запасы необлагаемых налогом желейных бобов. На голове операторская гарнитура, в руках пульт управления, с помощью которого я, подобно кукловоду, управляю Растрами других людей на их экранах, по всем США. Я вижу этих людей: картинка с широкоугольного объектива их приставок выводится в окно на моём экране. А они меня не видят, они видят только Растра, мой аватар, моё тело в Метавселенной.

Плоские, похожие в пятнистом свете экрана на несвежих зомби люди задают глупые вопросы про арифметику. Те, кто просит помочь с рецептами, графиками авиаперелётов, воспитанием

детей или ремонтом, уже переданы кому-то ещё. Моя компетенция — математика, и только. Всё это довольно скучно и наводит сон, но через неделю агентство брата объявляет о большой симолеоновой лотерее. Объявить они поручили крепконогому футбольному защитнику. Не проходит и минуты, как жаждущие приза засыпают меня просьбами о помощи.

Все фанаты «Медведей» в Большом Чикаго пытаются вычислить объём «Солджер Филд». И все делают это неправильно. А у тех, у кого голова немного варит, вероятно, стоит приставка с той бракованной микросхемой. Я разрываюсь на части. Часть меня хочет протянуть растровы короткие трёхпалые ручонки в белых перчатках и вбить в этих болванов хоть чуточку ума.

Но я дал клятву хранить тайну. Я вывел аналогичные числа для «Метродома», «Три риверс стэдиум», «РФК Стэдиум» и всех остальных стадионов НФЛ. В каждом городе кто-то выиграет симолеоны.

Раз в четыре часа у нас пятнадцатиминутный перерыв. Я завожу домашний кинотеатр, — просто чтобы не застаивался, — и мчу по главной улице Метавселенной к клубу, где музыка в моём вкусе. На мне всё ещё форма Растра, но что с того:

на улице во время перерыва их, Растров, тысячи.

Узкий вход в мой клуб глядит в узкий проулок, вливающийся в узкую второстепенную улочку. Этот клуб лежит вдали от виртуальных торговых центров и парков развлечений с 3D-видеоиграми, дойных коров экономики Метавселенной. Внутри несколько отдыхающих Растров, но на большинстве посетителей аватары пооригинальнее. В Метавселенной не возбраняется пирсинг, клеймение или татуировка любой части тела, — и чего только не сделаешь ради того, чтобы выглядеть страньше окружающих.

На сцене живая группа — подключение из студии в Праге. Играют так себе, и я ныряю во второй зал, виртуальные стеллажи в котором полны кассет. Можно прослушать несколько секунд из каждой композиции, а понравится — скачивайте весь альбом с опциональными интерактивными аннотациями, видеоклипами и партитурой.

Я копаюсь в одном из стеллажей и вдруг чую рядом другой аватар, большой и лохматый. Он что-то бормочет, я — ноль внимания. Громовой кашель звучит из сабвуфера, перхает в левой и правой колонке, извергается из центрального динамика над экраном. Я поворачиваюсь.

На этом плотно сбитом существе футболка с

логотипом «ХАКЕРЫ 1111». В серповидных когтях зажат ярко-розовый цилиндр. Аватара проработана куда лучше, чем Растр — качество почти диснеевское.

Ленивец говорит:

— 537 824 167 720.

— Эй! — кричу я. — Кто ты, чёрт возьми?!

Он поднимает розовый цилиндр — это банка «Джолт колы» — ко рту и пьёт.

— Где ты взял это число? — не отстаю я. — Это ведь секрет.

— Ключ под ковриком, — говорит ленивец. Потом разворачивается и уходит.

Пятнадцать минут вышли, и мне приходится размышлять над смыслом всего этого остаток смены. Затем я отлипаю от дивана, открываю парадную дверь и задираю край коврика.

И точно: под ковриком конверт. Внутри лист бумаги, на нём число в шестнадцатеричной нотации, которой пользуются компьютерщики: 0A56 7781 6BE2 2004 89FF 9001 C782 — и так далее, строк пять.

Ленивец сказал: «ключ под ковриком», — и я готов поставить горы симолеонов на то, что это число — ключ шифрования, который позволит мне посылать и получать кодированные сооб-

щения.

Минут десять я вбиваю ключ в приставку. Появившийся Растр начинает меня донимать:

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

К тому времени, когда я заношу последнюю, двухсот пятьдесят шестую цифру, я несколько зол на Растра и уже сказал ему пару ласковых. Но следующие его слова звучат для меня музыкой.

— Простите, я не понял, — чирикает Растр. — Пожалуйста, проверьте, подключён ли кабель: на линии какой-то шум.

На экране, как цифровой дух, материализуется вторая фигура. И это он, ленивец.

— Так кто ты такой, чёрт тебя дери? — вопрошаю я.

Ленивец глотает «Джолта», подавляет отрыжку и говорит:

— Я — Кодекс, ленивец-криптоанархист.

— Оборудование неисправно, — сообщает Растр. — Пожалуйста, свяжитесь с кабельной компанией.

— С оборудованием порядок, — говорит Кодекс, — просто я шифрую твой канал. Для кабельной компании это выглядит шумом. Как ты уже догадался, то число — твой личный ключ шифрования. Сейчас нас не подслушает ни одно

государство, ни одна корпорация.

— Ну спасибо.

— На здоровье. А теперь к делу. У нас есть то, что нужно тебе. У тебя есть то, что нужно нам.

— Откуда вы узнали ответ на вопрос про «Солджер Филд» и желейные бобы?

— У нас есть все ответы. Все двадцать семь.

И ленивец оттарабанивает числа для «Кэндлстик-парк», «Кингдоум», «Мидоулэндс»…

— Если только вы не взломали сейф нашей аудиторской конторы, остаётся одно. Вы подслушивали мои задушевные беседы с Растром. Перехватывали трафик от приставки.

— Как типично. Полагаю, ты думаешь, что мы — кучка социально неадаптированных прыщавых подростков-хакеров, играющих в игрушки с истеблишментом.

— Такая мысль меня посещала.

Но мультяшный ленивец кидает на меня уничтожающий взгляд, — и его, взгляда, реалистичность говорит о куда более высоком уровне технической изощрённости. У Растра выражений лица всего шесть, и все, как на подбор, неказисты.

— Твой брат владеет рекламным агентством, не так ли?

— Да.

— Он недавно подписал договор с «Симолеон Корпорейшн»?

— Да.

— И правительство тут же установило за вашим домом круглосуточную слежку.

Внезапно стеклянный глаз на приставке кажется мне очень большим и внимательным.

— Они посадили жучок на наш инфокабель?

— Им это ни к чему. Кабельная компания рада-радёшенька сделать всю грязную работу сама — ведь, в конце концов, кому она обязана своей монополией? Так что все вычисления, которые вы с Растром выполнили, ушли прямиком в кабельную компанию, а оттуда — правительству. У нас там крот, и он переслал всё нам через анонимный финский римейлер в Йювяскюля.

— Но правительству-то что за дело?

— О, им есть дело, ещё какое. Они собираются уничтожить симолеоны. А в процессе — растоптать всю вашу семью.

— Зачем?

— Затем, что если они не уничтожат электронные деньги, электронные деньги уничтожат их.

На другой день я заявляюсь в офис братца, расположенный в переоборудованном по последней

моде здании бывшей электростанции на Вест-сайде. Брат заканчивает телефонный разговор и взмахом руки приглашает меня в свой кабинет, просторный, что твоя пещера, с гигантской паровой турбиной посредине, готовой темой для разговора. Ирония, наверное.

— Разве ты не должен сейчас проходить игры за криворуких геймеров? — спрашивает он.

— Избавь меня от братских подколок. Мы, криптоанархисты, люди серьёзные.

— Криптоанархисты?

— Также частенько говорят «панархисты».

— Мило. — Он обкатывает словечко в уме. Небось, уже мысленно начал рекламную кампанию.

— Сегодня ты такой розовый и довольный, — говорю я. — Должно быть, дело в двух имперских пинтах портера «Хог Сити», которыми ты запивал свиные рёбрышки в «Лейквью Гриль» Дивейна.

Он подбирается и настораживается, как будто его снимают скрытой камерой и он твёрдо намерен не дать сделать из себя дурака.

— Откуда ты знаешь, что я ел на обед?

— Оттуда же, откуда знаю, что ты мухлюешь с налогами.

— Что?!

— В прошлом году ты купил в свой головной офис новый диван, с которого положен налоговый вычет. Но этот диван также и кровать, а это у-тю-тю.

— Хакеры, — говорит он. — Твои дружки взломали систему и утащили мои данные?

— Возьми конфетку.

— Я думал, сегодня у них всё под семью замками.

— Доступ к файлам получить сложнее. Но всякий раз, когда информация бежит по проводам, — например, когда Растр помогает Анне с налогами, — её можно перехватить и расшифровать. Потому что ты, братец, купил приставку с настройками безопасности по умолчанию, а умолчальные настройки никуда не годятся.

— Давай к сути.

— Не здесь. Не под колпаком.

— Под колпаком? Что за… — начинает он. Но я киваю на телевизор в углу. С приставки на нас стеклянно пялится глаз объектива.

И вот мы гуляем по берегу озера, что в январе в Чикаго — чистое безумие. Но мы родом из Северной Дакоты, и у нас есть вся необходимая экипировка для прогулок на свежем воздухе. Я рассказываю брату про Растра и кабельную

компанию.

— Боже мой! — говорит он. — Так, значит, эти числа уже не тайна?

— Хуже. Они переданы двадцати семи людям, нанятым правительством, а те уже отослали свои заявки. Так что все твои симолеоны — все двадцать семь миллионов — уйдут на суперкубке прямо в руки правительственным марионеткам. И это будет самый страшный кошмар рекламщика. Они понакупят на симолеоны комиксов и бейсбольных карточек и заявят, что так надёжнее. Они намеренно обанкротятся и обвинят в этом тебя. Они придут по двое, по трое на дешёвые ток-шоу и расскажут, как симолеоны таинственно исчезли во время транзакций в Метавселенной. Короче, они угробят имидж — а вместе с ним и бизнес — твоего клиента. Итог — победа правительства, которое ненавидит частные деньги и боится их. А также банкротство — твоё, мамы и папы.

— Это ещё почему?

— Твоё агентство в ответе за провал лотереи. После фиаско твои акции рухнут. Папа и мама потеряют миллионы, которыми так и не воспользовались. А потом крупнейшие твои акционеры вчинят тебе иск, братец, и ты проиграешь дело.

Ты поставил всё на неисправную приставку к своему телевизору и, как первое должностное лицо организации, лично ответственен за потери.

К этому времени старший брат чувствует необходимость срочно присесть на парковую скамейку. Та не теплее глыбы сухого льда, но брату всё равно. Физические ощущения где-то там, вдалеке. Я думал, что буду торжествовать, но почему-то не хочется.

И я его успокаиваю.

— Я только что побывал в твоей аудиторской конторе и рассказал им, что нашёл ошибку в вычислениях. Что в моей приставке стояла бракованная микросхема. Я передал им двадцать семь новых чисел, которые вывел вручную, с помощью бумаги и карандаша, в конференц-зале их офиса, вдали от любопытного носа кабельной компании. Я лично запечатал числа в конверт и положил в их сейф.

— Значит, лотерея пройдёт как было задумано, — выдыхает он. — Слава Богу!

— Да, — а также слава мне и панархистам, — огрызаюсь я. — Ещё я позвонил родителям и посоветовал им продать акции — на случай, если правительство отыщет другой способ сорвать твою затею.

— Разумно, — кисло говорит он. — Только вот налоги в один присест съедят процентов сорок капитала.

— Не съедят. Они не будут платить налоги.

— Вот как? — Впервые за долгое время он поднимает подбородок с рукавиц и, оживляясь, даёт мне понять, насколько я неправ. — Они купили акции всего за десять тысяч — и ты думаешь, налоговая закроет глаза на двадцать миллионов дохода?

— Сборщиков налогов на праздник не приглашали. Нечего им рот разевать на чужое.

— У них длинные руки.

— Недостаточно длинные, Джо. Родители продадут акции не за доллары.

— За симолеоны? Те же яйца, только сбоку. Все транзакции — под присмотром правительства.

— Забудь про симолеоны. Я о криптокредитах.

— Криптокредиты? Это что ещё за хрень?

Он встаёт и принимается расхаживать взад-вперёд. Теперь он убеждён, что я обменял курицу, несущую золотые яйца, на пригоршню волшебных бобов.

— Это то, чем должны были стать симолеоны. Электронные деньги, расчёты которыми абсолютно непрозрачны для правительства.

— Вот как? Я думал, любой код можно взломать.

— Электронные деньги, любые — это числа, бегающие туда-сюда по проводам, — объясняю я. — Если ты хранишь свои числа в тайне, твоя валюта надёжна. Если нет, то нет. Сохранить их в тайне — задача криптографии, ветви математики. Так вот, Джо: криптоанархисты показали мне свою математику. Это хорошая, годная математика. Лучше той, которую использует правительство. И лучше той, что лежит в основе симолеонов. Никто не сможет дискредитировать криптокредиты.

Он протяжно вздыхает.

— Ладно, ладно. Хочешь, чтобы я это сказал? Я скажу. Ты был прав, а я нет. Как выясняется, ты изучал в колледже нужные предметы.

— И я не такой уж никчёма?

— Не такой. Итак, чего хотят эти твои криптоанархисты?

У меня почему-то не получается лгать родителям, но Джо я совру запросто.

— Ничего. С их стороны это просто жест доброй воли, попытка снискать наше доверие.

— И приблизить неизбежную победу мировой панархии?

— Типа того.

Вперёд ко дню проведения суперкубка. Мы сидим высоко над «Супердомом» в VIP-ложе, оснащённой баром с напитками, кухней, официантами и большими телеэкранами, где показывают повторы моментов, которые мы только что увидели своими жалкими невооружёнными, нецифровыми глазами.

С нами шишки из корпорации «Симолеон». Я начинаю прощупывать их на предмет криптографических протоколов, и становится ясно, что эти люди не могут посчитать без Растра даже свой расход бензина, не то что сориентироваться в опасных, богатых подводными камнями течениях передовой криптографии.

Входит охранник «Супердома». Он неуверенно глядит на нас.

— Тут какие-то, э-э-э, господа. Их билеты похожи на настоящие.

Их трое. Первый — шкаф центнера на полтора, с волосами до талии и бородой до пупа. Похоже, фанат «Медведей» — лицо и голый торс раскрашены в синий и оранжевый. Второй — не такой замкнутый интроверт, как первый. А третий — не такой застёгнутый на все пуговицы конформист, как первые два. Большой несёт старый ящик из-под

молока. Должно быть, там что-то тяжёлое: руки Большого того и гляди выскочат из суставов.

— Кто тут мистер и миссис де Грут? — спрашивает он, шатаясь под тяжестью. Головы поворачиваются к моим родителям, которые, встревоженные появлением троицы, не спешат отзываться. Большой подходит к ним и бросает ящик перед моим отцом.

— Я тот, кого вы знаете под ником «Кодекс», — говорит Большой. — Спасибо, что выбрали нас в брокеры.

Не будь Джо завсегдатаем спортзала, его хватил бы обширный инсульт.

— Твой брокер — полуголый оранжево-синий криптоанархист?

С полминуты папа раскуривает трубку. Внизу, на поле, звучит двухминутное предупреждение. До конца тайма осталось всего ничего. Папа выдувает облако дыма и говорит:

— Он показался мне честным ленивцем.

— На всякий случай мы продали половину акций через нашего брокера в Бисмарке, — добавляет мама. — Он говорит, что с этой части нам придётся заплатить налог.

— А другую половину мы перевели в оффшор, мистеру Кодексу, — продолжает папа, — и он кон-

вертировал их в местную валюту — без налогов.

— В оффшор? Куда? На Багамы? — спрашивает Джо.

— В Первую распределённую республику, — говорит большой панархист. — Это виртуальное государство. Я в нём министр информационной безопасности. Наша официальная валюта — криптокредиты.

— И на что же они годны? — спрашивает Джо.

— Меня это тоже беспокоило, — говорит папа, — поэтому, ради пробы, я купил на свои криптокредиты кое-что более осязаемое.

Он суёт руку в ящик и вытаскивает брусок жёлтого металла. Мама выуживает другой. Родители принимаются выкладывать бруски на столе, как царская чета Мидасов, разгружающая коробку бисквитов «Твинки».

До Джо доходит не сразу. Он поднимает один из брусков и пялится на него с открытым ртом. Руководство «Симолеон Корпорейшн» скучивается вокруг и изучает трофеи.

— Теперь вы видите, почему правительство хочет нас растоптать, — говорит большой парень. — Мы можем делать то же, что они — лучше и дешевле.

Лицо генерального директора «Симолеон Кор-

порейшн» светлеет.

— Погодите, — говорит он и трёт виски. — Вы можете устроить так, что людям, использующим электронные деньги, не придётся платить налоги правительствам? Вообще?

— Точняк, — говорит большой панархист. Сигнал объявляет конец первого тайма.

— Я должен спуститься и раздать немного симолеонов, — говорит генеральный, — но потом нам надо будет потолковать.

Он спускается на лифте с моим братом, который держит коробку с двадцатью семью смарт-картами. В них загружены секретные числа, отчего каждая стоит миллион симолеонов. Я подхожу к окну ложи и смотрю вниз. На пятидесятиярдовой линии выстроились двадцать семь американцев и ждут, когда с небес на них сойдёт манна математическая. Они — именно тот пёстрый демографический срез, на который надеялся брат. Не знай я, нипочём бы не догадался, что все они — граждане Первой распределённой республики.

Криптоанархисты достают из бара по бутылке «Джолта» и дружно выходят. В ложе остаюсь я, папа и мама. Папа указывает на поле мундштуком.

— Эти двадцать семь человек, ты ведь им не помогал, а?

Джо я соврал, но с родителями такой фокус не пройдёт.

— Скажем так: не все панархисты — длинноволосые маньяки, хлещущие «Джолт». Есть среди них и похожие на тебя. Как две капли воды похожие, вообще-то.

Папа кивает: поддел, поддел.

— Кодекс и его люди спасли лотерею — и нашу семью — от катастрофы. Но не даром.

— Обычно так и бывает, — говорит папа.

— Однако тут выигрывают все. Джо и его клиент хотят, чтобы рекламная кампания прошла успешно, чтобы через год всякий, кто сейчас смотрит трансляцию, был высокого мнения о надёжности и стабильности симолеонов. Так?

— Так.

— Раздавать симолеоны случайным людям — всё равно что играть в кости. Раздать их тайным панархистам, кровно заинтересованным доказать, что электронные деньги работают — ставка куда вернее.

— А флаг у Первой распределённой республики есть? — ни с того ни с сего спрашивает мама.

Я говорю ей, что тем парням, похоже, шить не привыкать. И ещё до начала второго тайма у неё готов эскиз флага на обороте программки.

— Он будет разноцветным и красочным, — говорит мама. — Как банка желейных бобов.